

ДОПРОС А. Д. ПРОТОПОПОВА

14 июня 1917 года.

Содержание:

Дело Хвостова.

Комиссаров.

Рубинштейн.

Манасевич-Мануйлов.

Штюрмер.

Московские выборы.

Неврастения

Протопопова.

Удержанные Протопоповым документы.

Портреты Распутина.

Резолюция царя по поводу убийства Распутина.

Коллективное письмо царской фамилии об освобождении Дмитрия Павловича.

Разговор с царем.

«Неловкость».

Председатель. — Александр Дмитриевич, не имеете ли что-нибудь добавить к тем заявлениям, которые вы сделали?

Протопопов. — Бога ради, спросите, что вас интересует, потому что я не знаю. Может быть, относительно дела Хвостова. Я все отлично вспомнил. Когда я принял должность от А. А. Хвостова, он мне сказал, между прочим, что его племянник хлопал глазами, когда он спросил, что это за деньги, и сказал, что это деньги на выборы в Государственную Думу. Он назначил негласное дознание.

Председатель. — А. А. Хвостов сказал это про своего племянника в связи с этим решением? Не знаете, кому было поручено это дознание?

Протопопов. — Теперь я вспомнил — на листочке, который мне показал судебный следователь, не было числа, там было просто — сентябрь.

Председатель. — Ваш блокнот?

Протопопов. — Это тот листочек, который я показал царю. Там есть слово «прекратить». Против этого я спорил и говорил, что нужно «возбудить», т.-е. возбудить дело о воровстве.

Председатель. — Этих денег? Против Хвостова?

Протопопов. — Да. В этом смысле я мог сказать: «прекратить», т.-е. прекратить негласное дознание. Между прочим, мне хотелось получить те документы, которые у него были, которые касались ареста Добровольского и которые были изъяты из дела после ареста Добровольского. Тут опять мне трудно признаться.

Председатель. — Какого Добровольского?

Протопопов. — Такой был господин у Распутина. В Думе о нем говорили. Я его никогда не видал. Хвостов говорил, что он его арестовал, а затем взял документы. Там между прочим были свидетельские показания, что я обедал с Распутиным. Там был еще Ной Абрамович Гордон. Это меня беспокоило, потому что Хвостов меня этой штукой шантажировал. Он послал ко мне Комиссарова. Это мне запало в душу, было ужасно неприятно.

Председатель. — Вы говорите, он послал к вам Комиссарова. Какую роль здесь играл Комиссаров?

Протопопов. — Он приехал ко мне.

Председатель. — По поручению Хвостова?

Протопопов. — Я так понял. Он мне сказал: «Министр говорит, что он заставит вас прекратить всякие допросы в Думе, ибо есть такие у него сведения». Тогда я на это ответил: «Министр, стало быть, занимается шантажем». Он говорит: «Нет, я так вспомнил это дело».

Председатель. — Вы тогда были товарищем председателя?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Каковы же были отношения Комиссарова с Хвостовым?

Протопопов. — Герасимов, Комиссаров — это особая компания сыщиков, которая была при А. Н. Хвостове. Я ее роли подробно не знаю.

Председатель. — Этот эпизод у нас кончен. Не правда ли?

Протопопов. — Кажется, да.

Председатель. — Теперь, скажите, вы помните дело Рубинштейна, в частности, что Рубинштейн был освобожден?

Протопопов. — Помню. Он купил на 500 рублей цветов и послал их Распутину.

Председатель. — Совершенно верно. Он был освобожден по настоянию Распутина. Вы не можете ничего сказать о роли Штюмерера в освобождении Рубинштейна?

Протопопов. — Об этом со Штюмерером я никогда ни слова не говорил. Я только слышал, что Рубинштейн послал цветы Распутину, и говорили — какую глупость

сделал Рубинштейн, зачем это делать, зачем заявлять? Потом он послал цветы Вырубовой, если не ошибаюсь.

Председатель. — До вас доходили сведения о роли Манасевича-Мануйлова в этом деле и об участии Штюрмера в освобождении Рубинштейна? Об отношениях — Манасевича, Штюрмера, Рубинштейна?

Протопопов. — Когда я писал показания, мне было сказано комендантом: — «Пишите про ваших соседей, про Штюрмера». Потому я и написал про Штюрмера, а больше я ничего не знаю. Манасевича я считал шантажистом и вымогателем, — изменником я его не считал. Когда вы меня спросили в первый раз: «А что сделал русский министр?» — я ответил искренне: «Поверил своему товарищу». А товарищ мне сказал точно те слова, которые я пишу. Мне Штюрмер постоянно говорил относительно ареста Манасевича: «Это мое личное дело, меня посадили на этом, подвели; как же сделали, не предупредив меня? Ведь это же скандал, ведь это травля». Я ему сказал, что травли я не допущу, травли не будет. Он мне советовал сместить товарищей, особенно Степанова. Он предупредил царя и два раза мне сказал: «Что же вы его не уберете?». Я говорю: «Оставьте, он мне нужен».

Председатель. — Тогда до вас не доходили сведения о попытке Манасевича получить миллион рублей с Рубинштейна для себя или для Штюрмера?

Протопопов. — Я это слышал. Много говорили, что Штюрмер нечист на руку и что Манасевич ему дает часть денег, которые он вымогает.

Председатель. — Вы не помните, кто этот слух передавал?

Протопопов. — В Думе постоянно говорили, что он нечист на руку, а затем не помню, кто еще говорил.

Председатель. — Вы не производили по этому поводу никакого расследования?

Протопопов. — Нет.

Председатель. — Позвольте и этот вопрос считать исчерпанным. — Будьте добры рассказать о вашем отношении к выборам в московскую городскую думу. Помните о сношениях, которые были с Котлецовым, бывшим городским головой, о выдаче ему субсидии в 30 тысяч?

Протопопов. — Я по этому делу ровно ничего не знаю.

Председатель. — По этому частному вопросу, а по общему о московских выборах — вы знаете?

Протопопов. — Знаю, что туда ездил Невианд, чтобы следить за этим делом. Невианд — это человек, который состоит в распоряжении производящего выборы по России товарища министра Анциферова. Невианду были даны 15 тысяч с целью дать каким-то выборным организациям, но он их не дал и вернул. Затем, второй козырь, который был в руках правительства, это были переговоры с какими-то квартиранимателями.

Председатель. — Вероятно, с домовладельцами и арендаторами?

Протопопов. — Да. Тут какие-то переговоры шли.

Председатель. — Не шли ли эти переговоры через Невианда?

Протопопов. — Безусловно через него.

Председатель. — Какое же еще было участие министра внутренних дел в этих выборах?

Протопопов. — О 30 тысячах я не знал. Они были кассированы на том основании, что инструкция была утверждена министром внутренних дел, обжалована по жалобе какого-то присутствия очень небольшим числом голосов и отправлена в сенат, где, кажется, одним голосом это прошло. Потом я написал туда о неправильности утвержденной мною инструкции.

Председатель. — Вы написали, что министр внутренних дел признал неправильными свои действия?

Протопопов. — Я сам виноват и никого не хочу винить, но дело в том, что надо было кассировать выборы, чтобы произвести вторые, ибо говорили, что первые произведены чрезвычайно лево.

Председатель. — Кто говорил, что произведены чрезвычайно лево?

Протопопов. — Говорили все, и я сам находил, что это необыкновенно крайне. Помилуйте, там, кажется, Астров был председателем.

Председатель. — Разве это так страшно?

Протопопов. — Ничего нет страшного, я теперь не боюсь, а тогда боялся, мне казалось, что это ужасно.

Председатель. — Скажите, почему вы все-таки волнуетесь? Надо вам успокоиться.

Протопопов. — Я не знаю, я, должно быть, не совсем здоров. То, что сегодня со мной было, это третий день. У меня неврастения и продолбление черепа, это даром не проходит. Я не знал, что я истерик, а это полная истерия. Я слышу звуки, слышу какие-то голоса, ясно, ясно слышу, как в гипнозе. Я не помню, о чем я говорил, но волновался и говорил.

Председатель. — Вы бранили Бехтерева.

Протопопов. — Я его ужасно браню.

Председатель. — Разве Бехтерев действительно вас гипнозом лечил?

Протопопов. — Два раза в неделю, в течение двух лет. После моей болезни (у меня неврастения была), от которой Бадмаев не мог вылечить, Бехтерев мне очень помог, он меня быстро поправил, давая мне облатки с кодеином. Я давно наблюдал, что на меня находило полосами такого рода состояние, и такие подъемы у меня бывали. Те слова, которые я слышал, я их обязательно повторю. Я чувствую, что меня Бехтерев испортил, он меня приучил, это безусловно гипнотическое влияние. Я сегодня не притворялся. Правда, двигательная мысль

была — уйти из этой крепости, уйти из этой грязи, в которую я попал. Возьмите дело Хвостова — почему я удержал эти документы?

Председатель. — Какие вы имеете в виду документы?

Протопопов. — Те, которые мне А. А. Хвостов передал. Было два листочка, один больше, другой поменьше, четвертушка. Я ясно помню, и никаких там не было синих карандашей. 980 тысяч и 390 тысяч.

Председатель. — Что же это такое?

Протопопов. — Деньги, которые были взяты на выборы в Государственную Думу. Это снова Хвостов и Писаренков. Я их взял.

Председатель. — На каком основании вы взяли?

Протопопов. — Так как они взяты на выборы в Государственную Думу.

Председатель. — По поводу этих 980 и 390 тысяч А. А. Хвостов вам говорил, что это дело рук его племянника?

Протопопов. — Да, он говорил. Я знал, что его опрашивали. Я его не хотел видеть, но мне хотелось получить документы.

Председатель. — Те, которые должны были компрометировать вас лично и кого еще?

Протопопов. — Безусловно царицу, потому что Распутин, царь и царица — это все вместе.

Председатель. — В чем заключались эти документы?

Протопопов. — Этого я не знаю.

Председатель. — Вы знали о существовании их через Комиссарова? Вы говорите о двух суммах — 980 и 390 тысяч в связи с этими листочками, — что же там было написано?

Протопопов. — На одном 390 тысяч и несколько фамилий, а на другом 980 тысяч и больше ничего.

Председатель. — Что же было сказано об этих 980 тысячах?

Протопопов. — Сбоку, а не внизу написано Писаренковым: «На подлинном рукой Хвостова написано: рассмотрено его величеством».

Председатель. — На чем, на подлинном?

Протопопов. — На подлинном отчете.

Председатель. — Не отчете, а докладе; это доклад о получении денег.

Протопопов. — Да, это доклад государю. 980 тысяч и пустое место. Рукой министра написано: «Доложено». Это написано Писаренковым.

Председатель. — А относительно другого листочка?

Протопопов. — Там ровно ничего нет. 390 тысяч без расписки в получении, потом фамилии.

Председатель. — Вы не помните фамилий?

Протопопов. — Думские помню — Крупенский, Замысловский, Марков, Барач, Алексеев.

Председатель. — К какому же времени относятся выдачи этим лицам?

Протопопов. — Не помню.

Председатель. — Когда же вам передал А. А. Хвостов?

Протопопов. — 17 сентября. Он говорит: «Вот, что натворил мой племянник; я его вызвал, спросил, он только хлопает глазами; я назначил негласное расследование, но делайте, как хотите». — Вот буквальные его слова. Вот почему я негласное дознание не продолжал — потому что у меня отождествлялось дознание с получением документов Добровольского.

Председатель. — Тогда нужно было продолжать, я логически не понимаю вашего вывода.

Протопопов. — Потому что те бумаги, которые передал мне Хвостов, относились к деньгам, следовательно, не к документам, и я хотел прекратить дело об искании денег.

Председатель. — Деньги не искать, а за документами тянуться?

Протопопов. — Государю нельзя было сказать: «Государь, надо прекратить» или «надо вести», потому что он может поступить наоборот. С ним всегда надо было быть осторожным. Так как я считал, что это дело может наделать скандал, то я эту штуку ему подсказал: «Ваша воля, государь». Он говорит: «Какая гадость, какой скандал».

Председатель. — Т.-е. скандал вы оба видели в чем?

Протопопов. — Что украл министр деньги.

Председатель. — А во-вторых, что у него есть документы. Это вы докладывали?

Протопопов. — Я о слухах думских не докладывал. Показал Вырубовой повеления бывшего царя или царицы, затем портреты Распутина с массой дам. Письмо, будто бы, было у Хвостова, о котором знал Крупенский. Я царю сначала не сказал, потому что было неловко при первом докладе это сделать, потом я ему, кажется, сказал, хотя присягу в этом не приму, но 80% за то, что я сказал. Пуришкевич распространял фотографии Распутина в 9 тысяч экземпляров — Распутин посредине и масса публики кругом.

Председатель. — Стол, и на столе вино, балалаечники и монах какой-то.

Протопопов. — Да.

Председатель. — Почему вы знаете, что он распространял в 9 тыс. экземпляров?

Протопопов. — На обороте карточки, которую мне прислали из Царского Села, вероятно, по поручению царицы через Вырубову или Воскобойникову, там было написано — 9 тысяч экземпляров. Затем было письмо Вырубовой, которого

содержания я не знаю. Затем Пуришкевич распространял письмо государю от царской семьи по делу Дмитрия Павловича об убийстве Распутина, где была резолюция государя: «Никому не дано убивать безнаказанно».

Председатель. — В каком это письме такая резолюция?

Протопопов. — В коллективном письме царской фамилии об освобождении Дмитрия Павловича. Я государю сказал: «Пуришкевич распространяет письмо с вашей резолюцией». Сказал, что имеется письмо, компрометирующее государыню. Это я очень хорошо помню, как я сказал. Присяги не приму, но 80%... помню, что я ему это сказал. Почему я это сказал? Правда, вспоминаю, было три абзаца. Первый абзац — портреты Распутина. Второй абзац — повеление через Вырубову, третий — письмо. У Пуришкевича было два абзаца. Первый абзац — портреты. Второй абзац — письмо государя и третий абзац я прибавил — вот это письмо Вырубовой. Теперь откуда я слышал, что он делает? Помнится, мне говорил об этом Марков 2-й.

Председатель. — Я думаю, что мы на сегодня покончим. Заседание закрывается.

Протопопов. — Виноват, у меня очень важная вещь. Я утверждаю, я уверен в том, что государь что-то знал про Хвостова. Я говорю вот почему...

Председатель. — В смысле каком, денежном?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Так что, когда вы докладывали, он уже знал?

Протопопов. — Да, это было так. Вот я сижу (показывает), а государь, где вы сидите. И вот я говорю ему про довольно серьезное политическое движение, которое в то время было на юге, помнится в Ростове. Я говорю: «Вообще, государь, это вещь очень тяжелая в настоящее время, быть на должности министра внутренних дел. И только теперь я понимаю, насколько тут необходим верный человек». Вот буквально, что я ему сказал. Тогда он воззрился на меня. Я почувствовал неловкость. От этой неловкости я совершенно инстинктивно говорю: «Один Хвостов сколько сделал вреда». Он на меня так посмотрел, что я осекся. Это факт, и оттого я ему не сказал об этом. При этом нужно сказать, что царь бывший, он ужасно мало говорил. Он был очень мил, любезен. Но про дела никогда не говорил сам. Он скажет: «Да», «Так», «Я думаю». Но он ужасно каждое слово берег. Он очень был осторожный на словах человек, очень осторожный.